

BIBLIOTHECA IGNATIANA
Богословие, Духовность, Наука

Хавьер Субири

ЧУВСТВУЮЩИЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Часть III: Интеллект и разум

Фонд ХАВЬЕРА СУБИРИ

Институт философии РАН

Институт философии, теологии и истории св. Фомы

Bibliotheca Ignatiana. Богословие, Духовность, Наука

Хавьер Субири

**Чувствующий интеллект.
Часть III: Интеллект и разум**

«ИНСТИТУТ СВЯТОГО ФОМЫ»

2008

Субири Х.

Чувствующий интеллект. Часть III: Интеллект и разум
/ Х. Субири — «ИНСТИТУТ СВЯТОГО ФОМЫ»,
2008 — (Bibliotheca Ignatiana. Богословие, Духовность, Наука)

«Интеллект и разум» – третья, заключительная часть трилогии испанского философа Хавьера Субири «Чувствующий интеллект». Тема этой последней части – разум как фундаментальный модус постижения, реализуемый в форме познания. По убеждению Субири, классическая европейская философия основывается на двух базовых отождествлениях: отождествлении постижения с познанием и познания с наукой. Субири опровергает оба тождества и разрабатывает свою концепцию познания как рационального постижения, которое вписывается в неизмеримо более широкое понятие чувствующего интеллекта. В этой концепции разум понимается как постижение глубинной реальности вещей, которая, будучи взята как целое, образует мир.

© Субири Х., 2008
© «ИНСТИТУТ СВЯТОГО
ФОМЫ», 2008

Содержание

Глава первая	6
Раздел I	8
Глава вторая	9
Глава третья	13
§ 1. Деятельность постижения как таковая: мышление	13
§ 2. Мыслящая деятельность как постижение: разум	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Хавьер Субири
Чувствующий интеллект.
Часть III: Интеллект и разум

© Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2008.

© Fundacion Xavier Zubiri (Madrid). Труды и переводы трудов Хавьера Субири.

© Г.В. Вдовина, перевод, 2008.

Глава первая

Введение

В первой части этой книги мы проанализировали, что такое постижение. Постигание – это чистая актуализация реального в чувствующем интеллекте. Реальность есть формальность схваченного во впечатлении, то есть формальность, данная во впечатлении реальности. То, что мы в ней постигаем, и есть *реальное*.

Впечатление реальности трансцендентально открыто. Реальность открыта в самой себе, поскольку она есть реальность. И в силу этого все реальное, соответственно, тоже открыто.

Прежде всего, реальность открыта во впечатлении навстречу собственной реальности вещи. Любая реальная вещь есть *ее реальность*. Когда мы схватываем нечто реальное лишь постольку, поскольку оно есть своя реальность, такое умное схватывание будет *первичным схватыванием* реального. Чтобы не перегружать высказывание, я буду называть эту «свою реальность» просто «реальной»: ее анализу была посвящена первая часть книги.

Кроме того, реальное открыто во впечатлении навстречу реальности других реальных вещей, почувствованных в том же впечатлении реальности. Любая реальная вещь чувствуется в ее отношении к другим реальным вещам, которые тоже чувствуются или, по крайней мере, могут быть почувствованы. Чувствующее постижение одних почувствованных реальных вещей среди других почувствованных вещей есть *логос*. Логос – это постижение того, чем *в реальности* является реальное, уже схваченное, как реальное, в первичном схватывании. Отнюдь не одно и то же – постигать, что нечто реально, и постигать, чем это реальное является в реальности. Мы проанализировали структуру такого постижения во второй части книги.

Но впечатление реальности трансцендентально открыто не только любой реальной вещи и не только другим реальным вещам, почувствованным в том же впечатлении; оно также трансцендентально открыто любой другой реальности, почувствованной или нет. В самом деле, во впечатлении реальности мы схватываем не только то, что вот этот цвет реален, что он есть его реальность (часть первая книги), и не только то, что он есть в реальности в отношении, например, к другим цветам или к другим качествам, – скажем, что этот цвет в реальности красен (вторая часть книги). Мы также схватываем, что этот красный цвет реален в отношении к простой и чистой реальности: например, что он представляет собой фотон или электромагнитную волну. Стало быть, впечатление реальности есть также впечатление чистой и простой реальности. Другими словами, мы схватываем во впечатлении не только то, что вещь *реальна*, и не только то, что эта реальная вещь есть *в реальности*, но и то, что эта вещь просто и чисто реальна *в самой реальности*. Вовсе не одно и то же – постигать, что нечто есть в реальности, и что нечто есть в самой реальности. Ибо, как мы увидим, то, что нечто есть в самой реальности, может быть не похожим на то, чем оно в реальности является во впечатлении. Таков третий модус постижения: постижение того, что вещь есть в самой реальности. Это и будет темой третьей части книги. Такое постижение есть нечто большее, чем логос: оно есть разум.

Разум опирается на первичное схватывание и на все утвердительные постижения, которые чувствующе мыслятся логосом. Это могло бы навести на мысль, что разум есть комбинация утверждений, то есть рассуждение. Но нет ничего более далекого от истины. Разум не есть рассуждение. В самом деле, логос и разум сущностно различны. Конечно, оба они представляют собой движение от реальной вещи. Но в логосе это движение направлено от одной реальной вещи к другой, тогда как в разуме речь идет о движении от реальной вещи к простой и чистой реальности. Стало быть, перед нами два сущностно различных движения. Движение разума я называю *ходом*: это ход от реальной вещи к простой и чистой реальности. Всякий ход есть движение, но не всякое движение есть ход.

Этот ход представляет собой не процесс, а структурный момент постижения. Ход – это не разновидность «пускания в ход». Это не ход к постижению реального как такового. Никто не «принимается» (если можно так выразиться) постигать реальность посредством разума. Речь идет о структурном моменте. Разумеется, это не структурный момент постижения как такового, то есть не структурный момент постижения, взятого с формальной точки зрения: ни первичное схватывание, ни логос не являются ходом, хотя являются постижениями. Но это не означает, что ход – своего рода добавка к указанным предшествующим структурам, как если бы он был «употреблением» (произвольным или необходимым) постижения. Это именно модализация постижения: модализация структурного свойства, определяемая в постижении самим впечатлением реальности. Такая модальная детерминация структурно опирается на две модальности: простого первичного схватывания и логоса. Только при том допущении, что мы уже постигли во впечатлении, что нечто реально, и постигли, чем это реальное является в реальности, – только при допущении этих двух моментов постижения оказывается детерминированным момент умного хода в самой реальности: хода, который и есть разум. Постижение по самому своему структурному характеру должно совершать ход; вернее сказать, оно уже находится в ходу, уже определено самой структурой реальности, данной в первичном схватывании и в логосе.

Именно это мы должны теперь рассмотреть. Указанный структурный момент ставит перед нами две группы проблем. Во-первых, это проблемы, касающиеся самого характера хода разума как такового. Во-вторых, это проблемы, касающиеся формальной структуры этого нового модуса постижения, каковым является *познание*. Мы рассмотрим эти проблемы в двух разделах:

Раздел 1: сам ход постижения.

Раздел 2: формальная структура постижения согласно разуму: формальная структура познания.

Раздел I

Ход постижения как таковой

Мы только что указали на то, что это не процесс, а структурный ход, основанный на других структурных моментах постижения. Но это не более чем смутное указание, к тому же указание негативное: оно ничего не говорит о том, чем является ход, а говорит лишь о том, чем он не является. Необходимо углубиться в проблему хода с позитивной стороны. Очевидно, что это умный ход, то есть ход составляет момент самого постижения. В нем мы постигаем, ходя, и ходим, постигая. Стало быть, это не просто «ход постижения», но «модус постижения»: то, что я называю умным ходом. Будучи умным, он представляет собой модус актуализации реального. И это – самое главное.

Итак, мы должны рассмотреть три проблемы: что такое ход постижения как ход; что такое ход постижения как постижение; каков формальный объект этого умного хода. Другими словами, *Глава 2. Что такое ход.*

Глава 3. Ход как постижение.

Глава 4. Формальный объект умного хода.

Глава вторая

Что такое ход

Так как речь идет о структурном моменте постижения, необходимо вернуться к самым корням вопроса, даже рискуя повторить некоторые уже рассмотренные положения. Постижение чувствующе схватывает вещи в их формальности реальности. И эта формальность, почувствованная во впечатлении, внутренне и конститутивно *открыта* как реальность. Для каждой вещи быть реальной означает не просто «наличествовать», быть опоясанной и ограниченной собственными метами; но означает, что, как реальность, она формально и точно состоит в позитивной открытости чему-то такому, что формально не есть сама вещь. Такая открытость – замечу мимоходом – заключается отнюдь не в том, что в другом проблемном контексте я имел обыкновение называть открытой сущностью, в отличие от сущности закрытой. Там различие касалось структуры реального, тогда как в нашей нынешней проблеме открытость касается самого характера реальности. В этом смысле даже закрытые сущности, взятые в качестве реальности, будут открытыми.

В силу этого формальность реальности, помимо индивидуального момента, включает в себе момент открытости навстречу чему-то большему, чем реальность в смысле индивидуальности. Другими словами, вещь, будучи реальной, некоторым образом превосходит сама себя. Открытый характер формальности реальности служит основанием ее *избыточности*. Любая вещь, будучи реальной, есть то, что она есть; если же рассматривать ее сообразно *ее собственной реальности*, она некоторым образом оказывается больше себя самой.

Так вот, именно в силу этой избыточности реальность каждой реальной вещи обладает, как реальность, соответственным характером. *Соответственность* реальности опирается на ее избыточность. Все реальное, как таковое, конститутивно является соответственным в своем собственном и формальном характере реальности. Открытость служит основанием избыточности, а избыточность служит основанием ответственности. Я буду пользоваться здесь терминами «избыточность» и «соответственность» как синонимами, и даже буду говорить о соответственной избыточности и об избыточной ответственности.

То, что я собираюсь сказать об этой соответственной избыточности, относится также к каждой реальной вещи, взятой в ее реальности; но в контексте нашей нынешней проблемы я в первую очередь буду иметь в виду другие аспекты схватывания.

Первый аспект – полевой. Реальность открыта в самой себе и из самой себя навстречу другим реальным вещам, почувствованным или могущим быть почувствованными в том же самом впечатлении реальности. Другими словами, в соответственной избыточности открытость определяет поле реальности. Поле – не что-то вроде океана, в который погружены вещи; оно не есть главным образом нечто такое, что охватывает реальные вещи. Поле есть то, что каждая реальная вещь открывает из самой себя своей собственной реальностью. Только благодаря этой открытости поле представляет собой нечто избыточное и соответственное. Только потому, что поле «наличествует», оно может «охватывать» почувствованные вещи. Но это наличествующее поле, или, лучше сказать, это наличие поля имеется благодаря открытости каждой реальной вещи *из ее собственной реальности*. Таким образом, даже если бы существовала только одна-единственная вещь, эта вещь уже открывала бы поле. Имеет смысл повторить эту мысль, уже прослеженную во второй части книги, чтобы должным образом сфокусировать проблему, составляющую предмет части третьей.

Но формальность реальности открыта, кроме того, постольку, поскольку она есть формальность чистой и простой реальности. Этот аспект, согласно которому каждая реальная вещь открывает область простой и чистой реальности, есть то, чем конституируется *мир*. Мир – это не совокупность всех реальных вещей (такой совокупностью был бы *космос*) и не то, что имеют

в виду, когда говорят, что каждый из нас живет в нашем мире. Мир – это простая и чистая реальность. Здесь я повторяю то, что только что сказал о поле: даже если бы имелась лишь одна-единственная реальная вещь, имелся бы и мир. Дело в том, что хотя вещей, вероятно, имеется множество – это еще нужно выяснить, – мир представляет собой единство всех реальных вещей, взятых в их характере простой и чистой реальности.

Реальные вещи, постигаемые в первичном схватывании и в полевом постижении, – не просто те или иные реальные вещи. Постигая их, я постигаю не только то, что они – те или иные. Постигая их как те или иные, я «заодно» постигаю и то, что они суть чистые реальности, чистая и простая реальность. Так вот, реальность как таковая конститутивно открыта, трансцендентально открыта. В силу этой открытости реальность представляет собой формальность, согласно которой реально только то, что открыто другим реальностям, более того, открыто реальности самого себя. Иными словами, любая реальность, как таковая, имеет конститутивно соотносительный характер.

В таком случае все реальные вещи, как просто и чисто реальные, обладают единством соответственности. Именно этим единством соответственности реального как реального конституируется мир. Реальность – не трансцендентальное *понятие*, не концепт, трансцендентально реализуемый в каждой из реальных вещей, а *реальный и физический* момент. Иначе говоря, трансцендентальность есть именно открытость реального как такового. А будучи взятой как единство соответственности, реальность есть мир.

Таким образом, нельзя смешивать мир и космос. В мире может быть множество коорди, но есть только один мир. Мир – это трансцендентальная функция поля и всецелого космоса.

Итак, поле и мир не тождественны друг другу, но и не независимы друг от друга. Чувствуя, постигая вот эту реальную вещь, я «заодно» чувствую, постигаю и то, что она есть реальность, то есть постигаю, что эта вещь составляет момент просто и чисто реального. В поле мы уже постигаем мир. И наоборот, простая и чистая реальность, то есть мир, представляет собой, как я только что сказал, трансцендентальную функцию поля. В этом, и только в этом смысле можно говорить о том, что поле – это почувствованный мир. Потому, строго говоря, следует утверждать, что мир, как таковой, тоже чувствуется во впечатлении. Но впечатление реальности мира будет тем же самым, что и впечатление вот этой реальной вещи, почувствованной в поле или в себе самой, как таковой. Тем не менее, поле и мир не тождественны, потому что поле всегда ограничено теми вещами, которые в нем имеются. Если совокупность имеющихся в поле реальных вещей увеличивается или уменьшается, то поле расширяется или сжимается. Напротив, мир всегда и сущностно открыт. Поэтому он не восприимчив к расширению или сжатию, но восприимчив к разной реализации соответственности, то есть к разному трансцендентальному богатству. Это трансцендентальное богатство есть то, что мы будем называть мирствованием (*mundificacion*). Поле расширяется или сжимается, а мир мирствует. Мир открыт не только потому, что мы не знаем, какие вещи в нем имеются или могут иметься, но прежде всего потому, что ни одна вещь, сколь бы точно и детально она ни была конституирована, никогда не является реальностью «в самой себе», «как таковой».

Итак, в этом аспекте постигать реальную вещь означает постигать ее в открытости «к». Чего мы не постигаем и, может быть, никогда не сможем постигнуть, так это того, что может быть в реальности. Именно поэтому постижение вещи как мирской вещи – не просто движение среди вещей, но *ход* в неизведанное, а может быть, и в пустоту.

Теперь наша проблема – в том, чтобы определить понятие хода.

а) Прежде всего, повторяю, речь идет о ходе «от чего-то реального», то есть от действительного постижения. Такое постижение всегда представляет собой не просто первичное схватывание чего-то реального, но к тому же такое постижение, в котором нами уже было постигнуто – или, по крайней мере, мы попытались постигнуть, – чем это реальное является в реальности. То, от чего мы отправляемся, есть первичное схватывание реального плюс то, чем это реальное

является в реальности, со всеми утверждениями, конституирующими это постижение. Стало быть, ход – это всегда ход от великого умного богатства реального.

b) Реальное открывает реальность из самого себя во впечатлении реальности: это – открывание момента реальности. Тем самым этот момент реальности автономизируется в другом измерении, помимо измерения индивидуальности. В такой автономизации присутствуют два аспекта. Первый – тот аспект этой реальности, согласно которому реальные вещи образуют поле: конститутивный момент, в котором движется логос. В этом движении логоса момент реальности выполняет предельно конкретную функцию: он служит *средой* постижения. Но автономизация момента реальности заключает в себе и другой аспект. Впечатление реальности схватывает не только реальные вещи, но и тот факт, что любая реальная вещь есть простая и чистая реальность: это момент открытия не поля, но мира. Реальная вещь схватывается не сообразно тому, что она есть «в реальности», а сообразно тому, что она пребывает в «самой реальности». Здесь мы движемся от реальных вещей и от поля реальных вещей к миру: это и есть ход. В такой открытости реальность автономизируется: она не только служит *средой*, но и представляет собой нечто постигаемое в самом себе. При этом реальность выполняет другую функцию, тоже в высшей степени конкретную: она служит *мерой* того, чем является в мире постигаемая реальность. В самом деле, поскольку мы отправляемся от уже реальных вещей и от того, что они суть в реальности, постольку в этих постижениях, от которых мы начинаем ход, уже обретено более или менее выраженное постижение того, что такое бытие *реальным*. Безусловно, это бытие-*реальным* принадлежит вещам, которые включены в поле и поэтому охватываются им. Но такое бытие-*реальным*, как «реальное», выбухает из реальных вещей. Отсюда следует, что в предварительном постижении этих вещей мы уже некоторым образом постигли, что такое быть реальным. И тогда реальность будет уже не просто средой постижения, но мерой того, чему предстоит быть постигнутым в открытости, постигнутым в качестве просто и чисто реального. Поскольку эта открытость реального как реального есть мир, оказывается, что в последнем счете само поле при ближайшем рассмотрении превращается в меру того, чему предстоит быть постигнутым в открытом мире: в меру того, что есть вещь в самой реальности. Совершать ход в этом открытом мире означает двигаться в «формальном», а не в «предварительном» определении того, что такое быть реальным. Так как мир формально есть открытый мир реальности, постигнутые в поле реальные вещи стремятся детерминировать ход постижения того, что такое вещи в самой реальности.

c) Тогда ход будет движением, которое приводит нас не от одних реальных вещей к другим, а от поля всех реальных вещей к миру простой и чистой реальности. Термин этого «к», взятого в его новой функции, обладает, как мы увидим, комплексным характером. С одной стороны, это обращенность «к» другим реальным вещам вне поля; с этой стороны ход будет попыткой расширения поля реальности. Но, с другой стороны, постигая в поле реальности то, что представляют собой охваченные им реальные вещи, мы постигаем – быть может, не отдавая себе в этом отчета, – что значит быть просто и чисто реальным. Тогда ход будет ходом в мире, который открыт не только другим реальным вещам, подобным уже названным, но и другим возможным формам и модусам реальности как реальности. И это – самое важное и решающее.

В конечном счете, ход – не просто движение. Тем не менее, ход и движение обладают внутренним единством: это единство формально заключено в обращенности «к», присущей впечатлению реальности.

Различие между ходом и движением имеет совершенно конкретный характер. Умное движение логоса есть вполне определенное движение: *движение ретракции и утвердительно-го обращения* внутри вещей поля. Но ход представляет собой иной тип движения – не внутри полевого реального, а к реальному по ту сторону всего, что принадлежит полю. Ход – это *поиск реальности*, это *intellectus quaerens* [ищущий интеллект]. Именно поэтому любой ход есть движение, но не любое движение есть ход, ибо не всякое умное движение представляет

собой поиск реальности. Разумеется, никакое движение не случайно и не хаотично. Движение ретракции и утверждения имеет основанием актуализацию того, чем нечто уже реальное является в реальности среди других вещей поля, и взыскательно детерминируется такой актуализацией. Движение-ход обосновывается и детерминируется, *как мерой*, предварительным постижением простой и чистой реальности. В нем «утверждается» то, чем в мирской реальности является нечто, уже актуализированное в первичном и в полевом схватываниях. Поиск ведется внутри реальности «как таковой», по ту сторону почувствованных реальных вещей, сообразно мере реальности. Этот радикальный поиск ведется в мире, который в себе самом открыт. Ход означает открытость неистощимому богатству и проблематичности реальности – не только в своих собственных метях, но также в формах и модусах реальности.

Итак, вот что такое ход: это поиск реальности. Но этот поиск имеет умный характер. И тогда мы спрашиваем себя не только о том, что такое умный ход как ход, но и о том, что в этом ходе является в собственном смысле умным.

Глава третья

Ход как постижение

Что означает постигать в поиске? Вот наш конкретный вопрос. Постигание в поиске означает не пребывание в поисках постижения, а такой поиск, в котором мы постигаем, ища, и который есть само искание. Это ставит нас перед целым сонмом проблем. В самом деле, очевидно, что искание есть деятельность постижения, которая должна рассматриваться с двух точек зрения. Прежде всего, это *деятельность*, но не какая угодно, а деятельность *постижения*. Эта деятельность постижения, взятая как деятельность, есть то, что, на мой взгляд, называется *мышлением*. Но деятельность мышления должна рассматриваться также в самой структуре этого постижения, ибо этот акт постижения обладает собственной внутренней структурой, образует особый модус постижения, определяемый мыслящей деятельностью. В таком подходе постижение не только обладает деятельностным характером, но и представляет собой модус постижения. Деятельность определяется постижением, а постижение определяется деятельностью. Как модус постижения, мыслящая деятельность – уже не просто мышление, но нечто иное: *разум*. Разум – это умный характер мышления. Мышление и разум не тождественны, но и не независимы друг от друга: они представляют собой два аспекта одного и того же акта постижения в искании. Условимся говорить, что деятельность постижения, как определяемая модусом постижения, обладает *умным характером*; но, взятая в качестве акта, порождаемого деятельностью как таковой, она представляет собой *деятельность постижения*. Именно это я хотел сказать несколькими строками выше, когда говорил, что разум – это умный характер деятельности постижения, то есть мышления.

Таким образом, перед нами – две группы проблем, которые мы должны рассмотреть:

§ 1. Деятельность постижения в поиске, как таковая: мышление.

§ 2. Умный характер мыслящей деятельности: разум.

§ 1. Деятельность постижения как таковая: мышление

Искание, как было сказано, есть деятельность постижения. И чтобы понять это, нужно начать с прояснения понятия деятельности. Только после этого мы сможем сказать, в чем заключается собственно мыслящий характер этой деятельности. Таковы два пункта, на которых мы должны остановиться.

I. Что такое деятельность

Здесь я имею в виду понятие деятельности в целом. Чтобы прояснить его, необходимо обратиться к тем понятиям, о которых мы уже говорили с самого начала этой книги.

Деятельность – это, несомненно, разновидность действия. Но любое действие представляет собой действие некоей деятельности. Почему? Действие всегда и непременно есть действие выполняемое, какова бы ни была связь между действием и его исполнителем. Это само по себе уже составляет проблему, в которую нам здесь нет нужды углубляться. Само выполнение способно принимать по меньшей мере две разные формы, потому что действие, как действие выполняемое, имеет две стороны. С одной стороны, оно есть простое и чистое выполняемое действие, обладающее «своим» соответствующим актом. И тогда мы говорим, что исполнитель просто находится в действии: это – «пребывание в действии». Так, в действии видения, слышания, хождения, приема пищи, постижения, и т. д., формально производится соответствующий «акт». В силу совершения такого действия исполнитель (животное или человек) является

действующим в том смысле, что он пребывает в действии. Но ситуация может быть и другой. Может случиться так, что исполнитель пребывает в действии, но не в таком действии, которое уже обладает всей полнотой своего акта, или формального содержания, а в таком, которое разворачивается как действительно заключенное в различных этапах. Тогда мы говорим не только, что некто «пребывает в действии», но и что он «пребывает в деятельности». Я сейчас поясню этот момент. Деятельность – не выполнение одного действия, не пребывание в действии, но пребывание в выполнении действий. *Деятельность есть действование*, пребывание в действовании. Деятельность – это не просто действие, но такое действие, которое, повторяю, состоит в том, чтобы пребывать в действовании, в более или менее непрерывном и продолжающемся развертывании. Действование соотносится здесь не с выполнением, как если бы действовать означало, что соответствующий акт выполняется, и т. д. Действование соотносится не с выполнением, а исключительно с исполнителем. Некто может пребывать длительно задействованным в одном и том же действии. Это еще не деятельность. Деятельность, несомненно, включает в себе нечто от действия, но это действие не обладает собственным актом безусловно, а представляет собой нечто, что ведет к акту – именно потому, что деятельность состоит в пребывании действующим. Но деятельность, заключающая в себе нечто от акта, сама по себе не есть действие вкупе с его актом. И вот такое действование, которое в одно и то же время, с определенной точки зрения, есть нечто большее, чем действие, и меньшее, чем действие (поскольку само по себе оно еще не обладает завершенным актом), – это странное действование, говоря, и есть деятельность. В деятельности мы пребываем в таком действии, которое означает не просто производство действий, но их производство в действовании. Всякая деятельность подразумевает действие (коль скоро она ведет к действиям), но не всякое действие выполняется исполнителем, пребывающим в деятельности.

Следует решительно отбросить ту мысль, что высшая форма действования – это деятельность. Наоборот, деятельность – это всего лишь разновидность действия; по сути дела, она представляет собой суррогат действия, взятого в его полноте. В самом деле, полнота состоит в *обладании* своим «актом», тогда как деятельность подчинена *достижению* этого акта. Так, пребывать видящим или пребывать движущимся – не деятельность, а просто действия, потому что в них исполнитель просто пребывает в действии. Напротив, бросать взгляд то в одну, то в другую сторону или находиться в двигательном возбуждении означает пребывать в деятельности. Стало быть, не одно и то же – пребывать в действии и пребывать в деятельности. Деятельность – это действование: нечто нацеленное на то единственное действие, которое только и обладает «актом», в двойном значении этого слова: быть «сделанным» и быть полнотой своего формального содержания. Именно это я называю «актом» в строгом смысле, а его характер – «актностью». Актность – не то же самое, что актуальность. Актностью я называю характер акта, актуальность же заключается, на мой взгляд, в предъявленности реального из самого себя, как реального. Постигание формально означает не актность, но актуализацию.

Итак, поиск есть деятельность постижения: то, что мы называем мыслящей деятельностью. Тогда мы спрашиваем себя: в чем состоит мыслящий характер этой деятельности?

II. Что такое «мыслящая» деятельность

Деятельность – не просто действие, а пребывание в действовании, нацеленном на собственное формальное содержание. Таким содержанием здесь будет постижение. Деятельность постижения есть то, что мы формально называем *мышлением*.

Разумеется, мышление – это не просто мышление того, чем являются вещи с, так сказать, теоретической точки зрения. Мышление имеется не только о реальности, свойственной тому, что мы называем вещами, но и, например, о том, что необходимо сделать, что предстоит сказать, и т. д. Это действительно так. Но и в этом случае то, о чем мы мыслим, есть

то *да будет*, которое я собираюсь осуществить, или то *да будет*, которое я реально выскажу, когда начну говорить. В мышление всегда включен момент реальности, а значит, формальный момент постижения. И наоборот, такое постижение есть постижение в деятельности, а не просто актуализация реального. Чтобы иметь простую актуализацию, не нужно мыслить, потому что простая актуализация – это просто постижение. Но мы мыслим – именно для того, чтобы обладать актуализацией. Постигание, которое уже представляет собой актуализацию, но *актуализацию на ходу*, в форме действия, – такое постижение, говорю я, и есть не что иное, как деятельность, именуемая *мышлением*. В мышлении мы движемся, постигая, движемся, актуализируя реальное, – но по способу мышления.

Характер мыслящей деятельности определяется реальным, которое открыто в себе самом, как реальном. Только потому, что реальное открыто, возможно и необходимо постигать его в открытости, то есть в мыслящей деятельности. В силу этого мыслящая деятельность заключает в себе несколько особых моментов, которые сущностно важно выявить и строго осмыслить.

а) Прежде всего, мышление есть постижение, которое открыто самим реальным; иначе говоря, оно есть поиск чего-то потустороннего тому, что я уже постигаю в данный момент. Мыслить – значит всегда *мыслить по ту сторону*. Если бы это было не так, не было бы ни возможности, ни необходимости мыслить. Однако нужно подчеркнуть, что эта потусторонность есть потусторонность самого характера реальности. Речь идет не только о поиске других вещей: этим занимаются и животные, – а о поиске *реальных* вещей. Чем животные не занимаются, так это разысканием в самой реальности реального. И это разыскание проводится не только ради того, чтобы найти реальные вещи, но и ради того, чтобы найти в самих реальных вещах, уже постигнутых до мышления, то, что они суть в самой реальности. А это – форма «потусторонности». Мышление прежде всего есть «мышление в обращенности к» «реальному по ту сторону». Так вот, бросаются в глаза три направления обращенности «к», определяющие ход к потусторонности. Потусторонность – это, во-первых, то, что лежит вне поля реальности. Мыслить – это прежде всего идти, постигая в данном направлении то, что лежит за пределами схватываемых вещей. В таком направлении мышление представляет собой деятельность, «обращенную вовне». Во-вторых, можно говорить о движении к реальному как о простом опознавании, а от него – к тому, что в нем опознается, помечается: тогда потустороннее будет «обращенностью к помечающему». В-третьих, можно идти от того, что уже схвачено как реальное, к тому, чем это реальное является внутри, как реальность: это будет ход от *эйдоса* к *Идее*, как сказал бы Платон. Здесь потустороннее представляет собой «обращенность вовнутрь». Само «внутри» есть модус «потусторонности» по линии реальности. Сказанное ни в коей мере, даже отдаленно, не составляет полного перечня изначальных форм потусторонности; к тому же мы, вероятно, не всегда знаем, к какой потусторонности нас может нацеливать и направлять реальное. Я только хотел выделить некоторые из особо и непосредственно важных направлений.

б) Мы сказали, что в деятельности мышление постигает реальность «по ту сторону». Именно потому, что мышление постигает в открытости, оно представляет собой начинательное постижение. Речь идет о *начинательности*, свойственной мыслящему постижению. Это свойство имеет не чисто концептуальный характер, но решительным образом затрагивает сам ход постижения как такового. Любое мыслящее постижение, будучи начинательным постижением, открывает некий путь. Я еще буду подобно говорить об этом. Теперь же достаточно обратить внимание на то, что есть пути, в действительности отклоняющиеся от реальности вещей. Потому что есть пути, которые изначально предстают как почти тождественные, различимые лишь в бесконечно малой степени: достаточно едва уловимой перестановки акцента на ту или другую сторону, чтобы переместиться с одного пути на другой. Именно это и совершает мышление. Тем не менее, эти различные пути, изначально столь близкие и поэтому могущие казаться тождественными, будучи продолжены, способны приводить к совершенно разным и

даже бесконечно несовместимым постижениям. Едва осязаемое колебание в начале способно приводить к сущностно различным реальностям и модусам реальности. Дело в том, что мышление имеет конститутивно начинательный характер. Любая мысль – это всегда не только и не просто пункт прибытия, но также, внутренним и конститутивным образом, пункт отправления.

Постигаемое в мышлении, конечно, есть нечто постигаемое, но и начинательно открытое по ту сторону самого себя.

с) Мышление не только открыто в начинательной форме по ту сторону постигаемого, но и представляет собой *постижение, активированное* реальностью, поскольку она открыта. Каким образом? Постижение есть чистая актуализация реального; поэтому само постигаемое реальное дано в качестве реальности: оно есть данное. Что такое это данное? Данное – это прежде всего «данное-чего», то есть данное реальности. Это не означает, что данное есть нечто такое, что дается нам реальностью по ту сторону данного; данное означает саму реальность, которая дана. Быть «данным-чего», то есть реальности, означает быть «данной реальностью» как реальностью. Рационализм во всех его формах (и в этом пункте Кант заимствует идеи Лейбница) всегда считал, что быть данным означает быть «данным-для» некоторой проблемы, а стало быть, заданным для мышления. Такова идея Когена: данное (*das Gegebene*) есть заданное (*das Aufgegebene*). Постижение для Когена формально есть мышление и, как таковое, чистая задача. Но это невозможно. Разумеется, то, что мы постигаем о реальности, есть данное для некоторой проблемы, которая встает перед нами в процессе мышления. Но это не самое главное в нашем вопросе – ни в отношении идеи «данного», ни в отношении идеи «данного-для»: ведь для того, чтобы быть «данным-для», данное должно для начала быть, прежде всего, «данным-чего», то есть реальности. В противном случае о проблеме не могло бы идти речи. Стало быть, реальное есть «данное-чего», то есть реальности, и «данное-для» мышления. Что представляет собой это «и»? Другими словами, каково внутреннее единство этих двух форм данного? Это не чисто присоединительное единство: дело обстоит не так, как если бы данное было «данным-чего» и *вдобавок* «данным-для». Дело обстоит так, что оно является «данным-для» в точном и формальном смысле именно потому, что является «данным-чего». Почему это так? Потому, что данное реальности дает нам реальность как реальность в ее внутренней и формальной открытости. Поэтому оказывается, что «данное-чего» есть *eo ipso* «данное-для» по ту сторону данного. Отсюда очевидно, что рационализм не только оставил без внимания «данное-чего», но также имел ложное представление о «данном-для», потому что полагал, что то, для чего данное дано и что конституирует его в качестве «данного-для», есть соотносительность с мышлением. Так вот, это ложно. «Данное-для» есть момент актуальности реального в его открытости «по ту сторону». «Данное-для» дано как открытое в мире. Прежде всего, данное есть не заданное для проблемы, а данное «потустороннего». Поэтому рационализм заблуждается вдвойне: во-первых, потому что он пренебрег «данным-чего»; во-вторых, потому что он истолковал «данное-для» как заданное для некоей проблемы, тогда как «данное-для» в первую очередь есть не форма постижения реального, а форма актуализации поля в его открытой потусторонности. Только потому, что «данное-для» есть момент полевой реальности по ту сторону, – только поэтому оно может быть заданным для некоторой проблемы. Открытость реальности, поскольку она чисто актуализирована в постижении, есть внутреннее и радикальное единство двух форм данного: «данного-чего» и «данного-для». Обыденный язык выражает это внутреннее единство бытия данного в выражении, которое не только удачно само по себе, но и, будучи взятым в строго формальном смысле, выявляет унитарную структуру двух форм данного: *вещи дают о чем поразмыслить*. Реальное не только *дается* в постижении, но и *дает* о чем поразмыслить. Стало быть, это «дать» образует радиальное единство двух форм данного в реальном. И это «дать о чем поразмыслить» есть не что иное, как постижение в мыслящей деятельности. Мыслящая деятельность не только в начинательной форме открыта потустороннему, но и конституирована в качестве именно такой деятельности самим предварительно

постигнутым реальным. С этой точки зрения мыслящая деятельность включает в себе существенно важные аспекты, которые необходимо рассмотреть подробно.

с-1) То, что именно вещи дают нам о чем поразмыслить, прежде всего означает, что постижение формально конституируется отнюдь не бытием в качестве деятельности. В самом себе, как таковом, постижение не есть деятельность. Разумеется, постижение может находиться в деятельности, но оно не «есть» деятельность, а кроме того, деятельность по отношению к постижению вторична. Первичное постижение реального, взятое в двух его аспектах – бытия «реальным» и бытия «в реальности», не есть деятельность. Утверждение – не деятельность, а чистое движение; к тому же не всякое движение будет движением в деятельности. Утверждение – не деятельность, а движение. Движение становится деятельностью только тогда, когда первичное постижение, в силу того, что уже постигнуто как реальное, оказывается *активированным самим постигнутым*. Оно становится деятельностью именно потому, что постигнутое есть реальность, которая, в качестве реальности, открыта. Быть в действии постижения через видение не значит пребывать в деятельности, но может стать пребыванием в деятельности в силу самого видящего постижения. Итак, мышление не есть нечто первичное; оно вторично по отношению к первичному постижению. Первичным, в том числе хронологически первичным, будет постижение.

с-2) В силу этого мыслящая деятельность не только не первична, но и не проистекает из себя самой. Было принято говорить (как это имеет место у Лейбница и Канта), что, в отличие от чувственности, которая чисто рецептивна, мышление – это спонтанная деятельность: мышление есть спонтанность. Но это ложно вдвойне.

Прежде всего, ложно потому, что даже человеческая чувственность – не чистая рецептивность, не чистое восприятие аффекций, но физическое представление данного во впечатлении как реального, – другими словами, она есть инаковость, умная чувственность. Но сейчас для нас важно не это. Сейчас важно подчеркнуть, что мышление не есть деятельность, которая спонтанно проистекает из себя самой. Не есть именно потому, что интеллект конституируется в деятельности только вследствие той данности, какой является открытая реальность. Сами вещи дают о чем поразмыслить, и, стало быть, именно они не только побуждают к деятельности, но и определяют деятельный характер самого постижения. Мы интеллектуально деятельны, потому что активированы для этого вещами. Это не означает, что такая деятельность сама по себе не обладает специфическим характером (позже мы в этом убедимся), что могло бы легко привести к ошибочному предположению о том, что мышление – это спонтанная деятельность. Истина, однако, в том, что она не спонтанна: это нас делает некоторым образом спонтанными первичное постижение, а значит, само реальное. В самом деле, дать о чем поразмыслить есть нечто данное реальными вещами; но то, что нам дают реальные вещи, есть именно «необходимость поразмыслить». Будучи взятым в первом аспекте, мышление не спонтанно, однако во втором аспекте может выглядеть в некотором смысле спонтанным. Без вещей нет мышления; но то, что имеется при наличии уже постигнутых вещей, есть именно та специфическая деятельность, которая называется «поразмыслить». Можно сказать, что мышление происходит от реальных вещей через то «поразмыслить», которое вещи нам «дают». Это и есть радикальный пункт, способный привести к ошибочному представлению о спонтанности.

с-3) Мыслящая деятельность – это постижение, активированное вещами, дающими о чем поразмыслить. Она составляет, как уже было сказано, внутреннюю необходимость нашего полевого постижения, ибо то, о чем вещи нам дают поразмыслить, есть открытость их реальности. Но этого недостаточно. Необходимо добавить, что сама эта открытость – не просто открытость мирского соответствия, но открытость как схваченная в поле. Если бы это было не так, не было бы никакой деятельности мышления. Простое мирское соответствие – это открытый характер реальности. Если бы постижение не было чувствующим, такая открытость постигалась бы, как принято говорить, интуитивным интеллектом – как простая мета реальности. В

таком случае постижение не было бы мыслящим. Однако открытость нам дана чувствующим образом, то есть в поле, и значит, ее постижение – это постижение «транс-полевого», постижение «по ту сторону», то есть ход. Этот ход и есть мыслящая деятельность. Таким образом, возможность и необходимость мыслящей деятельности внутренне и формально определяются чувствующим постижением.

В конечном счете, мыслящая деятельность – не просто частный случай деятельности человеческого существа; другими словами, речь идет не о том, что человеческая реальность – это деятельность, и поэтому все человеческое, в том числе и мышление, подразумевает деятельность. Это ложно вдвойне. Ведь, во-первых, не всякое действие человеческого существа будет результатом деятельности: как мы видели, действие и деятельность – не одно и то же. Деятельность – это действование: нечто совсем иное, нежели реализация действия. Сама по себе жизнь человеческого существа – всего лишь действие: то действие, в котором человек реализует самого себя, как живое существо, в обладании самим собой. Но от этого такое действие еще не становится деятельностью. Оно станет ею лишь тогда, когда это действие будет задействовано. Так вот, это происходит многими и разнообразными способами, и в этом – вторая причина, по которой оказывается ложным представление о мыслящей деятельности как просто о частном случае предполагаемой деятельности вообще. Что же касается интеллекта, активатором его деятельности выступает само реальное как таковое: реальным пробуждается действование, поскольку реальное есть актуальность в чувствующем постижении, а стало быть, открыто. И такое действование, такая деятельность есть не что иное, как мышление. Как уже было сказано в первой части книги, жизнь вынуждает меня постигать, а интеллект, будучи чувствующим постижением, вынуждает меня жить, мысля. Поэтому мыслящей деятельности не только внутренне, но и формально свойственно постижение реальности. Так как постижение есть актуализация реальности, оказывается, что мышление представляет собой модус актуализации реальности. Мы мыслим не «о» реальности, но мыслим уже «в» реальности, то есть уже внутри нее самой, опираясь на то, что уже было положительным образом постигнуто относительно нее. Мышление – это постижение, которое не просто постигает реальное, но постигает его в поиске, начиная с предварительного постижения реальности и совершая ход в ней. Мышление как деятельность постижения, которое есть, *формально* заключает в себе то, что его активирует: реальность. Интеллект не просто активируется реальностью в той форме деятельности, каковой является мышление; но постижение реальности как реальности активирующей составляет внутренний и формальный момент самой мыслящей активации. В силу этого мышление уже актуально и физически обладает в самом себе реальностью, в которой и соответственно протекает мышление. Это мы и должны рассмотреть.

§ 2. Мыслящая деятельность как постижение: разум

Мыслящая деятельность, мышление, имеет умный характер. Я уже сказал, что называю умным характером внутреннюю структуру, свойственную мыслящему постижению как таковому. В мыслящей деятельности мышление принимает умный характер, определяемый самим постижением. Так вот, в силу своего формально умного характера мышление конституирует разум. Разум – это умный характер мышления, и в этом смысле он есть мыслящее постижение реального. Мышление и разум – не что иное, как два аспекта одной и той же деятельности, но в качестве аспектов они формально различны: мышление осуществляется соответственно разуму, а постижение совершается в мыслящем разуме. Эти два аспекта не противостоят друг другу, как если бы некая субъективная ментальная деятельность (мышление) достигала реального (разум), которого была бы лишена прежде. Не так обстоит дело. Разумеется, я обладаю чисто психической мыслящей деятельностью, в силу которой могу, например, перебирать мысли. Но перебирать мысли не означает мыслить. Мышление – это всегда и непременно мышление о

реальном и уже внутри реального. Мышление и постижение посредством мышления совершаются сообразно разуму. Стало быть, именно это мыслящее постижение реального и есть то, что должно называться разумом.

Таким образом, реальное, уже постигнутое прежде, вталкивает нас в постижение иного рода, в мыслящее постижение. Но это реальное, из которого мы исходим, – не просто отправной пункт, оставляемый за спиной, а сама *позитивная опора* нашего хода, наших поисков. Будучи взято в своем умном характере, мыслящее постижение есть разум, то есть – сущностно и конститутивно – ход, совершаемый во внутренней опоре. Это опора, в которой мы уже постигли реальное. И теперь разум, совершая свой умный ход, должен постепенно и осторожно вновь актуализировать реальное, взвешивая каждый из своих шагов. Именно поэтому такая деятельность называется мышлением [*pensar*], что этимологически связано со взвешиванием [*pesar*]. Мышление имеет умный характер взвешивания реального «в» самой реальности, чтобы продвигаться «к» реальному внутри нее. Мыслить – значит умно взвешивать. И этот умный вес реальности есть не что иное, как разум, резон. Так, мы говорим о «весомых резонах». Стало быть, реальность, которой должен достигнуть разум, не является *голой реальностью*: она была постигнута еще в первичном схватывании, а также во всех позднейших полевых утверждениях. Реальность, которой должен достигнуть разум, есть *взвешенная реальность*. Что же тогда представляет собой это предварительное утверждение в реальном? Чтобы ответить, мы должны рассмотреть три важных вопроса:

1. Что такое разум.
2. Рождение разума.
3. Разум и реальность.

1. Что такое разум

Мы только что сказали: разум – это мыслящее постижение реального. Но это всего лишь общее высказывание. Чтобы конкретизировать его, нужно прояснить мыслящее постижение в двух его существенных аспектах. В самом деле, такое постижение прежде всего представляет собой *мое* постижение. В этом нет ни малейшего сомнения. Разум – это прежде всего мой разум. Но, с другой стороны, неоспоримо, что разум – это разумение самих *реальных вещей*. Поэтому если мы хотим прояснить, что такое разум, мы должны последовательно рассмотреть, что такое разум как мое постижение и что такое разум как разумение вещей. Только таким образом мы достигнем единства в понимании того, что такое разум.

1. Разум как мой разум

«Мой» не означат здесь, естественно, ничего субъективного; не означает и того, что разум есть просто моя деятельность: деятельность, именуемая мышлением. Ведь мышление формально представляет собой саму деятельность *постижения*, тогда как разум (в том числе мой разум) есть *умный характер* самого постижения. Это формальный характер постижения, осуществляемого в мыслящем постижении. Стало быть, разум означает просто модус постижения, а значит, нечто такое, что соотносится с самим постижением как таковым. Говорить о моем разуме означает просто говорить о том, что разум есть нечто модально соотносимое с постижением.

Разум как модус постижения заключает в себе три сущностных момента: это глубинное постижение, постижение как мера, постижение в поиске.

Первый момент. – Мыслящее постижение есть постижение чего-либо «по ту сторону» поля реальности. Я уже сказал, что «по ту сторону» формально означает не просто другие вещи, пребывающие «вне» поля. «По ту сторону» – это также аспект или аспекты вещей, пре-

бывающих в поле, хотя эти аспекты формально в поле не пребывают. Что представляет собой, с позитивной точки зрения, такое «по ту сторону»? Это сущностно важный вопрос. Мы мыслим «потустороннее» отнюдь не в силу произвольного каприза. Дело обстоит не так, как если бы внеполевые вещи или аспекты постигались «вдобавок» к постижению полевых вещей. Стало быть, дело обстоит не так, что имеется постижение *по сю сторону* поля и «вдобавок» другое постижение – *по ту сторону* поля. Напротив, мы именно потому, в точном и формальном смысле, мыслим реальность по ту сторону, что вещи, пребывающие в поле, суть *те самые* вещи, которые «дают о чем поразмыслить». И это дать о чем поразмыслить означает, с одной стороны, быть увлекаемыми к постижению потустороннего, а с другой стороны, быть увлекаемыми по ту сторону неумолимой силой постижения того, что является посюсторонним. Именно в этом состоит «дать о чем поразмыслить». Дать поразмыслить есть *почувствованная* умная необходимость, сообразно которой полевое отсылает к потустороннему. Потустороннее – это прежде всего сама обращенность «к», это любое «к» как момент впечатления реальности. Но обращенность «к» – не чисто добавочный момент. В самом деле, обращенность «к» есть модус почувствованной реальности как реальности. Отсюда следует, что реальное не просто отсылает к чему-то другому: оно отсылает к этому другому потому, что уже является реальным в этом «к», к которому нас отсылает. Другими словами, обращенность «к» как модус реальности принимает в таком случае, как мы уже видели во второй части книги, характер некоего «потому». Так что «потустороннее» – это не просто «другое», но другое, «потому» что оно по сю сторону есть то, что есть. В обращенности «к» мы имеем не «дедукцию», а само впечатление реальности как момент того, что пребывает по сю сторону. И этот характер есть физически почувствованное «потому». То, что пребывает вне поля, постигается для того, чтобы лучше постигнуть пребывающее в поле. Именно в этом позитивно и состоит «потустороннее»: быть чем-то, к чему нас влечет «посюстороннее», влечет в точном и формальном смысле: для того, чтобы мы лучше постигали само это «посюстороннее». Следовательно, речь идет о чем-то, что противоположно простому добавлению. В силу этого постигать потустороннее означает постигать то, что в своей глубине составляет посюстороннее. То, что дает нам о чем поразмыслить, есть то, что в своей глубине представляет собой постигнутое в поле. Эта глубина может быть внутренностью каждой вещи, а может быть также другими вещами, внешними по отношению к полю. Тем не менее, в обоих случаях постигнутое по ту сторону всегда постигается, в точном и формальном смысле, как то, без чего содержание посюстороннего не было бы той реальностью, каковой оно является. Речь идет о постижении в «потому». Именно в этом «потому» и заключается «глубинное». Идти по ту сторону означает идти в глубину реальных вещей. Эта постигаемая глубина и есть мое разумение вещей. Только постигнув эту глубину, я постигну реальные вещи в поле. Следовательно, глубина – это не какая-то неразличимая пропасть, а просто постижение того, чем в своей глубине является реальная вещь или вещи. Так, электромагнитная волна или фотон суть то, чем в своей глубине является цвет. Поэтому их постижение есть глубинное постижение цвета.

Итак, разум – это прежде всего *глубинное постижение реальности*. Только в качестве разумения цвета имеется постижение электромагнитной волны или фотона. Цвет, дающий нам о чем поразмыслить, есть то, что приводит нас к электромагнитной волне или фотону. Не будь этого «дать о чем поразмыслить», не было бы никакого постижения потустороннего; в лучшем случае имелось бы одно посюстороннее вслед за другим посюсторонним. Я имею в виду не только тот тип «потустороннего», о котором я говорил. Ведь потустороннее – не просто теоретическое понятие, каковыми являются волна или фотон. Потустороннее может быть также тем, чем создается роман: он не создавался бы, если бы данное реальное не давало мне о чем поразмыслить. То же самое можно сказать о поэзии: поэт пишет, потому что вещи дают ему о чем поразмыслить; и то, что он таким образом о них мыслит, и есть его поэзия. Будет ли таким образом постигаемое теоретически концептуализированной реальностью, вымышлен-

ной реальностью или реальностью поэтической, это не меняет сути постижения как разума. Метафора – лишь один из типов моего разума вещей. То, что постигается по ту сторону, есть просто постижение того, о чем посюстороннее, будучи постигнутым, дает нам поразмыслить. Поэтому постижение потустороннего есть разумение: глубинное постижение реального. Но разум, мой разум, заключает в себе еще два сущностно важных конститутивных момента.

Второй момент. – Разум, повторяю, есть глубинное постижение реального; но такое постижение осуществляется в уже предварительно постигнутой посюсторонней реальности. Эта предварительно постигнутая реальность – не просто «среда» постижения, но нечто иное: «мера» постижения. Любая реальность есть реальность, конститутивно измеряемая в качестве реальной. Что это означает?

Любое реальное, как реальное, будет конститутивно соответственным. Эта соответственность есть мир. Мир – это единство соответственности реального как реального. Стало быть, любое реальное – именно потому, что оно реально, то есть по причине своей формальности реальности – в точном и формальном смысле есть мир. В силу этого такое мирское соответствие обращается, если можно так выразиться, на каждую реальную вещь совершенно определенным способом: каждая вещь предъявляется нам тогда как форма и модус реальности, детерминированные сообразно соответственной формальности. Такая детерминация и есть мера. Следовательно, реальность – это не просто формальность, которой конституируется «само по себе», «в собственном смысле», но сама мера, сообразно которой каждая реальная вещь является реальной, «самой по себе». Мера – это не реляционное единство реальных вещей; наоборот, мера в каждой вещи есть следствие самого соответствия вещи. Только потому, что реальность, как таковая, соответственна, – только поэтому ее формальность служит мерой ее собственной реальности. Реальное – это реальность, но измеряемая в своей реальности своей собственной формальностью реальности. Так вот, разум – это не только глубинное постижение реального, но и *постижение как мера глубинного реального*.

Это требует более тщательного анализа. Любое измерение опирается на «единицу измерения», которой оно измеряется. Что такое эта единица измерения? Что такое умная мера реального, с точки зрения этой единицы измерения? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо помнить о том, что мыслящее постижение, мой разум, опирается на то, что было предварительно постигнуто в поле. Только в возвратном движении к этому пункту предварительного постижения мы можем доискиваться, А) что такое единица измерения, и В) какова умная мера глубинного реального.

А) Мое мыслящее постижение, мой разум, постигает реальность не как среду, а как нечто уже позитивно постигнутое в предварительном полевым постижении. Это различие сущностно важно. Если угодно, разум постигает саму реальность не как свет (что означало бы постигать реальность как среду), а как источник света (что означает постигать реальность как меру). Такое постижение имеет особый характер: в самом деле, в нем достоверно постигается реальность сама по себе, однако не как еще одна вещь, а как нечто, что я буду называть «реальностью-фундаментом», или реальностью, фундаментальной – и взятой в качестве фундаментальной – мыслящее постижение. Я называю это *началом*. Постижение формальности есть реальность как источник света, как мера; это – постижение реальности как начала. В этом аспекте разум представляет собой *постижение глубинной реальности в ее начинательной мере*. Таким образом, мы все более сжимаем понятие разума как модуса постижения. Чтобы прояснить его, во-первых, скажем, что значит быть началом; во-вторых, мы должны будем выяснить, каково начало мыслящего постижения, то есть разума; в-третьих, нужно будет достаточно строго определить характер этого начинательного постижения.

а) Что значит быть началом, и каким образом нам дано начало?

Реальность как начало есть, очевидно, реальность как фундамент; и, стало быть, фундамент есть некое «потому». Итак, быть фундаментом означает всегда и непременно быть фун-

даментом чего-то другого, чего-то полевого: это означает, повторяю, быть неким «потому». Это другое, взятое в качестве фундированного, есть нечто, чему открыт так называемый фундамент: открытое «потому». И наоборот, фундамент тогда включает в себе внутренний и формальный момент открытости. Именно потому, что это так, он является фундирующим: фундамент — это прежде всего фундирование. Но это еще не все. Потому что быть фундаментом означает фундировать совершенно конкретным и определенным способом; фундаментальность есть не что иное, как особый модус фундирования. Так вот, фундирующее является фундаментирующим, *a)* когда оно передает фундированному свой собственный характер реальности *из* самого себя (из фундирующего), и *b)* когда вследствие этой передачи фундированная реальность реализуется в точном и формальном смысле «потому», что ее фундирует реальность фундирующего, и фундирует ее *в* этой реальности. Фундамент переходит, фундаментируя, в фундированное. Фундирующее не просто фундировало реальное, но также внутренним и формальным образом пребывает фундаментирующим его. В таком случае фундированное становится реальным в форме фундаментальности. На мой взгляд, именно это означает, в формальном смысле, быть *началом*. Начало — это не просто начинание и не просто «то, откуда» (δθεν), как думал Аристотель, но то фундирующее, которое реализуется из себя самого, в себе самом и через себя самого в реальном как таковом. Начало является началом лишь потому, что оно пребывает внутренне «начинающим», то есть реализующимся в качестве начала.

Каким образом нам дано начало постижения? Когда то, что служит фундаментом, представляет собой сам характер реальности, то есть когда фундамент есть глубинная реальность, ее постижение, как уже было указано, весьма своеобразно. Реальность оказывается тогда не голой формальностью реальности: такую голую формальность мы уже имеем постигнутой в любом постижении, начиная с первичного схватывания реальности. Реальность оказывается тогда не голой *реальностью*, но *реальностью как фундаментирующей*. Каким образом эта реальность дана в качестве фундамента? Разумеется, это не реальность «как таковая», как если бы она была «предметом» (если мне будет позволено употребить это слово ради ясности). Начало не есть некая вещь, «скрытая» в начинаемом. Если бы это было так, то мы постигали бы этот «предмет», к которому «потом» добавлялось бы отношение — добавлялось бы, стало быть, как внеположное предмету: отношение фундаментирования другого предмета. Но это не так, потому что, когда мы говорим о реальности «как таковой», ее фундаментальность представляет собой ее внутренний, а не добавленный момент. В самом деле, реальность «как таковая» актуализирована и предъявлена здесь иначе, нежели реальности «как таковые», то есть не так, как *реальность-предмет*: она актуализирована и предъявлена в самой себе, в формальном смысле, как *реальность-фундамент*, — или, если угодно, как реальный фундамент. Это различие сущностно важно. Фундамент есть реальность — но реальность, чей характер реальности заключается именно в реальном фундаментировании. В предмете реальное пребывает «положенным», но положенным в форме «пред»: подлежащего, или противолежащего тому, кто осуществляет схватывание, и его схватыванию. Здесь же реальность не «положена», но *пребывает*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.